

Глава первая

Так бывает, что одно событие разделяет жизнь человека на две части: все, что было до (навечно милое и невозвратимое), и все, что происходило после (насколько неотвратимое, настолько и отвратительное). До последнего момента Юля ничего не подозревала. Чутье, быть может, что-то и подсказывало, но было слишком сложно угадать, что именно.

За пару дней до болезненного открытия она, как обычно, забрала дочь из школы и везла домой на машине. Их небольшая семья жила в областном городе Б, и школу они выбрали специализированную, с углубленным изучением иностранных языков, поэтому Юле приходилось возить дочку туда и обратно, благо Катя была на продленном обучении.

Антон никогда не помогал ей с ребенком и на редкие просьбы забрать дочь вместо нее, чтобы она могла доделать отчет по работе, остаться на позднюю презентацию, задержаться на встрече, отвечал отказом, не торопясь объяснять причины.

— Что сегодня было в школе? — спросила Юля с привычной теплотой в голосе. Ее большие глаза вперились в подвижные, умные глаза Кати, отражавшиеся в зеркале заднего вида.

— Нам сегодня рассказывали о Древней Спарте, — ответила дочь, оживляясь, — как там младенцев в море бросали, если они рождались хилыми.

— Это вы на уроке проходили? — при всей своей обычной невозмутимости Юля была озадачена. Она через многие вещи уже прошла, особенно в семейной жизни, полной неурядиц и непонимания. В общем и целом ее сложно было удивить. — А зачем?

«Разве Древнюю Грецию теперь во втором классе проходят?» — пронеслось у нее в голове. Подсознательное и оттого неконтролируемое беспокойство чудилось ей во всем, что она делала, думала, в каждом слове, что срывалось с ее уст.

Тут же пришло сообщение в Ватсап от Алины: «Когда будешь? Мы уже собрались», и Юля, пользуясь тем, что на

светофоре зажегся красный свет, стала быстро отвечать на него. «Что, муж не мог дочь из школы забрать?!» — пришел ответ.

— Васенкова жаловалась, что не хочет ходить в школу, а мечтает о домашнем обучении — home schooling. Слышала про такое? — продолжала Катя.

И снова мессенджер: «Что можно поесть? Или опять нечего?» Муж. Юля стала торопливо отвечать и ему, уже начав движение на зеленый свет. Быстро дописав сообщение, она положила телефон на переднее сиденье. Через минуту телефон вновь провибрировал, но она не могла посмотреть, кто и что писал, поскольку движение после шести было плотным.

— Тогда Валентина Ивановна сказала, что у нас в школе еще хорошо к детям относятся, а в Древней Спарте очень плохо, слабых не терпели. Всех заставляли жить отдельно от родителей с 7 лет. Представляешь?

Юля улыбнулась и посмотрела на Катю в зеркало заднего вида. Уголки ее губ невольно опустились: Юле показалось, что белое лицо девочки стало еще круглее, чем было утром. Впечатлительная дочь продолжала ей что-то рассказывать о Древней Спарте и их системе воспитания, но та уже не слушала ее.

— Катя, у меня сегодня не будет времени посмотреть твой пищевой дневник, — перебила ее Юля, — поэтому расскажи сейчас сама, что ты ела в школе?

— А почему, куда ты сегодня пойдешь? — заинтересовалась Катя.

— Встречаюсь с подругами, — ответила мать. — Так что ты ела сегодня?

— Как обычно, — торопливо заговорила девочка, — все, что давали в столовой: суп с фрикадельками, картофельное пюре с рыбой.

— Хлеб ела?

— Да.

— Сколько?

— Один кусок.

Снова загорелся красный свет. Юля взяла телефон, чтобы прочитать сообщение, которое, как оказалось, пришло от супруга: «Что за глупости, конечно, люблю тебя». И это в ответ на ее описание содержимого холодильника.

— Не верю, наверняка больше! — продолжала допрос Юля немного дрогнувшим голосом. — Скажи правду, ругать не буду. За ложь поругаю, но не за правду.

— Мама, ну правда, не ела больше! — почти выкрикнула Катя. — Мама, а если бы я родилась слабой, ты бы меня бросила?

— Что за глупости ты говоришь, — Юля ответила немного устало. — Мы не в Древней Спарте живем. Ты ела что-то еще, кроме хлеба? Булочки? Печенье? Может, кто-то шоколадкой угостил?

— Честное слово, ничего не ела. Как ты мне велела, я так и делаю; вот Танька Кострова принесла сегодня конфеты, и все подбежали к ней, просили по одной, а кто-то и по три успел отхватить, пока не кончились. А я не стала просить, потому что ты мне запретила. Хотя мне и хотелось. Ну а почему бы ты не оставила меня? А если бы мы жили в Древней Спарте, тогда бы оставила?

— Разумеется, нет, — ответила Юля, — я бы лучше сбежала бы из этой твоей Древней Спарты в другой город, но ребенка бы никогда не бросила.

— В какой бы город ты сбежала?

Юля вздохнула, не услышав дочь.

— Ничего не понимаю, — сказала она вслух. — Ты уже несколько дней ничего вредного не ешь, отчего тогда такая прибавка в весе? Вес как минимум должен был остановиться. Ты точно не обманываешь меня, точно ничего запретного не ешь?

— Ничего! — выкрикнула Катя, которой вконец надоел этот допрос.

Юля пыталась понять, что ей делать; извечная дилемма любой матери встала и перед ней. Повести дочь к врачу? Но к какому? Гастроэнтерологу? Эндокринологу? К педиатру уже ходили, она не сочла нужным беспокоиться, да и направления

ни к кому не дала, даже к тому же гастроэнтерологу. Обратиться платно к диетологу? Но разве бывают детские диетологи?

Врач по ОМС ничего не увидит, да и осматривать толком не будет. Врач в частной клинике будет ненамного лучше; контактов хорошего доктора у Юли не было ни по одной специализации. К тому же она уже давно поняла, что в большинстве случаев визит к детскому врачу не только бессмысленный, но и вредный: причину проблемы никогда не установят, а следовательно, никогда не пропишут нужных лекарств, зато выпишут много бесполезных препаратов.

Тем временем Катя за последние две недели из девочки тонкой и звонкой, как струнка, превратилась не в колобка конечно, но в девочку не по годам упитанную. Часть вещей внезапно стала мала, некоторые из них буквально трещали по швам. Разве мог здоровый ребенок так поправиться за две недели?

Вот уже показались знакомые четыре березы, тоскливо стоящие вдоль дороги перед поворотом во двор. Напротив их дома тянулись некрасивые потрепанные нежилые здания с такими крошечными окнами, словно тем, кто работал там, не нужен был солнечный свет. Настроение, и без того неважное, окончательно испортилось.

Впереди были выходные, и уже все равно ни к кому на прием не записаться теперь; оставалось только ждать понедельника. И потом, уже было шесть часов вечера. Юля припарковала машину недалеко от подъезда голубого многоэтажного дома, построенного, судя по трещинам в панелях и выцветшей краске, лет тридцать назад. Катя выскочила из машины в расстегнутом пальто.

— Застегни, — сказала Юля, — еще не май месяц.

Катя начала медленно застегивать пуговицы. Одна из них шла с трудом. Лишь только девочка ухитрилась протолкнуть ее в петлю, пуговица оторвалась от пальто и упала на грязный асфальт. Катя подняла пуговицу, положила ее в карман и зашагала к подъезду.

Юля же не могла сдвинуться с места. Эта пуговица и горизонтальные складки, идущие от вытачек на Катинем

пальто, которые она сейчас внезапно заметила, — все говорило о том, что оно уже еле застегивается. С Катей было что-то не так. Но что именно?

Дома Юля быстро переоделась, расчесала еще раз русые волосы — не очень длинные, едва касавшиеся плеч, — напонила Кате снова, чтобы та не ела сладости, и побежала к подругам; они встречались сегодня у Алины. Когда она уже села в машину, телефон стал звонить. Это был муж.

— Да, Антон, — она удивилась, ведь они только что делились дома.

— Ты куда собралась? — послышался его удивленный голос.

— В смысле куда? — Юля начала волноваться. Неужели он опять забыл? — К Алине в гости, я ведь тебе заранее говорила. И утром напонила.

— Так ты все-таки пойдешь! — ответил он сухо. — Хм.

Повисла пауза. Ей казалось, что она слышала, как он недовольно дышал в трубку. На мгновение почему-то подумала, что он должен остановить ее, пока не поздно, потому что не о подругах нужно сейчас думать, а о ребенке. И он будет прав. Но Антон и не думал об этом.

— Ты что хотел-то?

— Я хочу на боулинг с друзьями поехать.

— А почему именно сейчас? Я с девочками давно договорилась. Давай в следующий раз.

— Можно, конечно, но ведь я завтра в командировку уезжаю на два дня. Теперь только через неделю.

— Ну и что ты предлагаешь? — спросила устало Юля.

— Пусть Катька сама посидит. Она уже большая, ей няньки не нужны. Или маму свою позови.

— Как хочешь, так и делай. Маму я звать не буду, тебе нужно — ты и зови.

— Тебе что, сложно позвать?

— А тебе сложно слово держать? Обещал, что посидишь дома сегодня.